

Александр Пушкин

Памяти Пушкина.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! Весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья избѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ шитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божию, о, муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету приѣмли равнодушно
И не оспаривай глупца.

1836 г.

А. Пушкинъ.

Собраніе стихотвореній русскихъ авторовъ, посвященныхъ
священной памяти великаго поэта.

Составилъ А. А. Соколовъ („Маіоръ Бревновъ“).

Дозволено цензурою. Москва, 3 апрѣля 1899 г.

* * *

Мы чтить тебя привыкли съ дѣтскихъ лѣтъ,
И дорогъ намъ твой образъ благородный;
Ты рано смолкъ; но въ памяти народной
Ты не умрешь, возлюбленный поэтъ!
Безсмертенъ тотъ, чья муза до конца
Добру и красотѣ не измѣняла,
Кто волновать умѣлъ людей сердца
И въ нихъ будить стремленья къ идеалу,
Кто сердцемъ чистъ средь пошлости людской,
Средь лжи, кто вѣренъ правдѣ оставался,
И кто берегъ ревниво свѣточъ свой,
Когда на мѣръ унылый мракъ спускался.
И все еще горитъ намъ свѣточъ тотъ,
Все гений твой пути намъ освѣщаетъ;
Чтобъ духомъ мы не пали средь невзгодъ,
О красотѣ и правдѣ онъ вѣщаетъ.
Всѣ лучшіе порывы посвятить
Отчизнѣ ты зовешь насъ изъ могилы;
Въ продажный вѣкъ, вѣкъ лжи и грубой силы,
Зовешь добру и истинѣ служить.
Вотъ почему, возлюбленный поэтъ,
Такъ дорогъ намъ твой образъ благородный;
Вотъ почему неизгладимый слѣдъ
Тобой оставленъ въ памяти народной!

А. Н. Плещеевъ.

* * *

I.

Пушкинъ — это возрожденье
Русской музы — воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ,
Это — незапечатлѣнный
Ключъ поэзіи, священный
Въ свѣтлой области искусствъ.
Это эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицезрѣнью
Ихъ божествъ безъ покрываль,
Это голосъ Немезиды,
Это дѣвы Эвмениды
Окровавленный кинжалъ *)...
Это — вѣщаго баяна
Струнный говоръ... свистъ Руслана...
И русалокъ голоса...
Это — арфа серафима
Въ часъ, когда душа палима
Жаждой вѣры въ небеса.
Это старой няни сказка,
Это молодости ласка, —
Огонекъ въ степной глуши...
Это — слезы умиленья...
Это — смутное влеченье
Вѣчно жаждущей души...

*) Онъ пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву Евмениду

II.

Свой въ столицахъ, на пирушкѣ,
 Въ саклѣ, въ таборѣ, въ лачужкѣ,
 Пушкинъ чуткою душой
 Слышитъ друга голосъ дальній, —
 Пѣсню Грузии печальной...
 Бредъ цыганки кочевой...
 Слышитъ крикъ орла призывный,
 Слышитъ ропотъ заунывный
 Океана въ бурной мглѣ, —
 Видитъ небо безъ лазури
 И, — что краше волнь и бури,
 Видитъ дѣву на скалѣ...
 Знаетъ горе намъ родное...
 И разгулье удалое, —
 И сердечную тоску...
 Но не падаетъ усталый —
 И, — какъ путникъ запоздалый,
 Самъ стучится къ мужику.
 Ничего не презирая,
 Въ дымныхъ избахъ изучая
 Духъ и складъ родной страны,
 Чую русской жизни трепеть,
 Пушкинъ — правды первый лепеть,
 Первый проблескъ старины...

III.

Пушкинъ — это эхо славы
 Отъ Кавказа до Варшавы,
 Отъ Невы до всѣхъ морей, —
 Это — сѣятель пустынный,
 Другъ свободы, неповинный
 Въ лжи и злобѣ нашихъ дней.

Это — гѣній, все любившій,
 Все въ самомъ себѣ вмѣстившій —
 Сѣверъ, Западъ и Востокъ.
 Это — тотъ „ничтожный міра“,
 Что, когда бряцала лира,
 Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.
 Это — врагъ гордыни праздной,
 Въ жертву сплетни неотвязной
 Свѣтомъ преданный, — враждой,
 Словно терніемъ, повитый,
 Оскорбленный и убитый
 Святотатственной рукой...
 Поэтическій Мессія
 На Руси, онъ, какъ Россія, —
 Всеобъемлющъ и великъ...
 Нынѣ мы поэта славимъ —
 И на пьедесталъ ставимъ
 Прославляющій насъ ликъ...

Я. П. Полонскій.

~~~~~

* * *

Русь собирали и скрѣпляли
 И ковали броню ей
 Всѣхъ чиновъ и званій люди
 Подъ рукою ея царей;
 Люди Божьи, проникая
 Въ глушь и дикія мѣста,
 Въ духъ народный насаждали
 Образъ чистаго Христа...

Что-жъ взойдетъ на общей нивѣ?
Русь ужъ многое дала,
Въ царство выросши подъ сѣнью
Византійскаго орла...
Что взойдетъ? Виссонъ и злато
Только мелкихъ душъ кумирь!
Лишь созданья духа вѣчны,
Вѣченъ въ нихъ живущій міръ;
Не пройдутъ во вѣкъ побѣды
Въ свѣтломъ царствѣ красоты,
Звуки пѣсенъ, полныхъ правды
И сердечной чистоты...
Пушкинъ! ты въ своихъ созданьяхъ
Первый намъ самимъ открылъ,
Что таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ!
Во всемірномъ Пантеонѣ
Твой уже воздвигся ликъ;
Ужъ тебя честить и славить
Всякъ народъ и всякъ языкъ, —
Но, юнѣйшіе въ народахъ,
Мы, узнавшіе себя
Въ первый разъ въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя —
Нашу гордость — какъ задатокъ
Тѣхъ чудесъ, что, можетъ быть,
Намъ въ разцвѣтѣ нашемъ полномъ
Суждено еще явить!

А. Н. Майновъ.

~~~~~

* * *

Въ разцвѣтѣ силъ, ума и вдохновенья,
 Съ неконченною пѣснью на устахъ,
 Могучій сынъ больного поколѣнья —
 Онъ палъ въ борьбѣ, онъ былъ низвергнутъ въ
 прахъ.

Замкнулися уста, погасли очи,
 Горѣвшія въ потьмахъ духовной ночи,
 Какъ мысли путеводные огни;
 Замолкъ поэтъ — и громъ великой славы,
 Какъ праздный шумъ наскучившей забавы,
 Въ толпѣ утихъ...

И понеслися дни.

Смѣнялись имена, событья, лица;
 То слѣпшой, то лѣнивой чередой
 Предъ вѣчно изумленной толпой
 Ихъ пестрая влеклася верейница.
 Прошедшему вершился быстрый судъ.
 Средь похоронъ и празднествъ новоселья;
 И рѣдко лишь сквозь шумъ житейскихъ смуть,
 Тревогъ и дѣлъ, потѣхи и бездѣлья
 Звукъ имени священнаго порой
 Вновь пролеталъ печально надъ отчизной,
 То съ робкою, оглядчивой хвалой,
 То съ громкою и дерзкою укоризной!
 Но свѣтлыхъ думъ и чудныхъ пѣсенъ кладъ,
 Безцѣнный кладъ, толпою позабытый,
 Въ холодный склепъ минувшаго сокрытый,
 Въ немъ не истлѣлъ! Годовъ пронесся рядъ,
 Часъ миновалъ урочнаго отлива —
 И какъ на гласъ знакомаго призыва
 Въ обратный бѣгъ, раскаянья полна,
 Вновь понеслась народная волна!

Красы, добра и правды идеалы
Блеснули вновь, какъ утра чистый свѣтъ,
И помянулъ народъ — въ борьбѣ усталый,
Заблудшій въ тьмѣ и духомъ обнищаль —
Что у него великій есть поэтъ.
И захотѣлъ онъ вновь передъ собою
Его могучій образъ воскресить,
Почтить пѣвца безсмертнаго хвалою,
Его вознестъ высоко надъ толпою
И памятникъ ему соорудить.
Онъ захотѣлъ прозрѣть и обновиться,
Прочь отогнать печальной ночи сны,
Забытымъ кладомъ вновь обогатиться,
Его красѣ нетлѣнной поклониться,
Какъ свѣту возвратившейся весны!
И день насталь — исполнилось желанье:
Стоить предъ нами Пушкинъ, какъ живой!
Вокругъ него народа ликованье
И славное гремитъ именованье
Его, какъ громъ, надъ русскою землей!
А онъ стоитъ и смотритъ съ возвышенья
Съ привѣтомъ жизни, съ благостью въ очахъ,
Какъ будто снова полный вдохновенья,
Какъ будто съ пѣсней новой на устахъ.
Онъ смотритъ вдаль — и видитъ предъ собою
Сквозь многихъ дней таинственный туманъ,
Какъ движется пучиною живою
Грядущаго безбрежный океанъ.
И знаетъ онъ, что плещущія воды
Къ его стопамъ покорно притекутъ,
Что всей Руси языки и народы
Ему данъ славы вѣчной принесуть.

Гр. А. Голеннищевъ-Нутузовъ.

* * *

Есть міръ безсмертія. За гранями земного
 Есть царство свѣтлое чистѣйшей красоты,
 Оттуда къ намъ идетъ живая мысль и слово,
 Живой поэзіи волшебные цвѣты...
 Изъ царства этого, прекраснаго, святаго,
 Бетховень звуки бралъ, и образы Канова
 И краски дивныя изящный Рафаэль.
 Тотъ міръ — гармоніи и правды колыбель.
 Оттуда къ намъ пришелъ великій нашъ учитель,
 Чтобъ покорять умы и пробуждать сердца;
 Не долго медлилъ онъ: вельніемъ Творца
 Опять отозванъ былъ въ ту свѣтлую обитель.
 Но рано онъ ушелъ: въ расцвѣтѣ лѣтъ и силъ,
 О, если бы онъ жилъ! Счастливая Россія!
 Какъ онъ умѣлъ любить, какъ онъ тебя любилъ!
 Какъ генія его могучаго стихія
 Умѣла обнимать весь край, весь край родной,
 И сколько бъ онъ еще принесъ тебѣ для славы!
 Быть можетъ и поднесъ широкою волной
 Текли его стихи, прекрасны, величавы.
 Онъ отдалъ бы тебѣ весь дивный геній свой:
 Живое золото своей блестящей прозы,
 Своей поэзіи чарующія грезы,
 Творенія любви иль жалости живой.
 Сестры прелестныхъ музъ — исторіи скрижали
 Его бы эпосомъ плѣнительно блистали.
 Быть можетъ и поднесъ онъ былъ бы между
 насъ...
 Но, горе! — нѣтъ его: безвременно угасъ.
 Угасъ! Гдѣ-жъ тѣ слова, тѣ рѣчи гдѣ найти,
 Что были бы тебя, великаго, достойны.

Поэтовъ нынѣшнихъ не ясны намъ пути,
 Напѣвы робкіе несмѣлы и нестройны.
 И нѣтъ наслѣдника, достойнаго тебя!
 Я знаю, онъ придетъ, невѣдомый избранникъ,
 Изъ царства свѣтлаго божественный посланникъ,
 Какъ ты, поэзію и правду возлюбя.
 Пускай же онъ тогда хвалу тебѣ слагаетъ,
 Пускай изъ звучныхъ строчъ вѣнки тебѣ сплетаетъ.

И мы, признавъ его преемникомъ твоимъ,
 Ему наслѣдіе твое передадимъ.
 Но нѣтъ еще его — желаннаго Мессіи,
 Царя поэзіи: пустуетъ тронъ въ Россіи.
 А мы? Мы можемъ лишь, смущенныя сердца,
 Смиренно лепетать судьбѣ жестокой пени,
 И горды славою его священной тѣни,
 Вѣнчать безсмертіемъ великаго пѣвца!

Т. Щепкина-Куперникъ.

~ ~ ~ ~ ~
 * * *

Его стихи читая — точно я
 Переживаю нѣкій мигъ чудесный —
 Какъ будто надо мной гармоніи небесной
 Вдругъ понеслась нежданная струя...
 Не здѣшними мнѣ кажутся ихъ звуки:
 Какъ бы, вліясь въ его безсмертный стихъ,
 Земное все — восторги, страсти, муки, —
 Въ небесное преобразилось въ нихъ!

А. Н. Майковъ.

~ ~ ~ ~ ~

Пушкинъ и Лермонтовъ.

Два вѣщихъ генія являются мнѣ часто,
 Два яркихъ образа, взлелѣянныхъ мечтой,
 Два духа родственныхъ, два брата, — два контраста!
 Одинъ, какъ полубогъ поэзіи святой,
 Сіяетъ ровною и гордой красотой,
 Безстрастною красой таинственной природы.
 Какъ голубыхъ небесъ безоблачные своды,
 Душа его чиста, прозрачна и ясна,
 И звуковъ сладостныхъ полна,
 Полна веселья и свободы.
 Когда воздушные персты
 Волшебной лиры прикасались,
 Во всемъ навстрѣчу отзывались
 Живыя струны красоты.
 Въ немъ ровно бился пульсъ вселенной,
 Онъ „раздраженью мысли плѣнной“,
 Недугу скорби міровой,
 Былъ чуждъ своею вдохновенной,
 Уравновѣщенной душой.
 Онъ все любилъ любовью равной, —
 И ласку дѣвы своенравной,
 Порывы чувства и страстей
 И пѣсни родины своей.
 Любилъ и плескъ волны студеной,
 И бой курантовъ надъ Невой,
 „У лукоморья дубъ зеленый“
 И колокольчикъ подъ дугой.
 И, мнилось, онъ на все земное
 Глядѣлъ съ небесной высоты,

И точно солнце золотое,
 Не различалъ въ своемъ покоѣ
 Различій дальней суеты.

Другой — съ мятежною и пламенной душою,
 Казалось, былъ для битвъ и подвиговъ рождень,
 И между тѣмъ, какъ гость печальныхъ похоронъ,
 Свершалъ житейскій путь, поникнувъ головою.
 Въ немъ чувства бурныя боролись безъ конца,
 Его зловѣщаго и смуглаго лица
 Улыбка ѣдкая почти не покидала,
 А сердце нѣжное любило и страдало,
 И ласки жаждало, и жаждало вѣнца..
 Онъ рано жизнь узналъ, извѣдалъ человѣка
 Въ глуши родимыхъ селъ и во дворцахъ столицъ,
 И у подножія Казбека,
 Среди воинственныхъ станицъ.

И всюду, всюду онъ дивился, негодуя,
 На слѣпоту людей, на ихъ корыстный гнѣвъ,
 И на коварство юныхъ дѣвъ,
 И на отраву поцѣлуя.

Онъ самъ переболѣлъ недугомъ скорби вѣчной,
 Сомнѣнья пережилъ и, демономъ томимъ,
 Въ тоскѣ глубоко-человѣчной
 Скорбѣлъ страданіемъ земнымъ.

И взоръ его искалъ, тревожный и глубокій,
 Разгадокъ бытія повсюду и во всемъ, —
 Бѣлѣлъ ли парусъ одинокій
 Въ туманѣ моря голубомъ,

Шумѣла-ль передъ нимъ желтѣющая нива,
 Неслись-ли облака жемчужною грядой, —
 Онъ вопрошалъ судьбу пылливо
 О предрѣшаемомъ судьбой.

И съ горечью клеймя родное поколѣнье
 За равнодушіе къ пороку и добру,
 Какъ врачъ, склонившійся къ печальному одру,
 Онъ ждалъ... онъ вѣрилъ въ излѣченье,
 Онъ ждалъ, онъ вѣрилъ, онъ любилъ
 Отчизну смѣлою любовью
 И шель, въ избыткѣ юныхъ силъ,
 Навстрѣчу черному злословью,—
 И свѣтъ его не пощадилъ...
 Какъ тотъ поэтъ „невольникъ чести“
 Сраженъ преступною рукой,—
 Онъ, бездыханенъ, палъ на мѣстѣ
 Своей дуэли роковой.

И тѣ, что генія презрѣнной клеветой
 Чернили за его правдивыя слова,
 Когда опальная склонилась голова,
 Почтили бранный прахъ притворною слезою.
 И вотъ, всего, къ чему стремился онъ душою,
 Чего такъ пламенно при жизни онъ желалъ,—
 Любви сознательной, сознательныхъ похвалъ,
 И лавровъ, и цвѣтовъ,—всего въ гробу дождался.
 Жестоко злобный рокъ надъ нами посмѣялся!
 Двумъ вѣщимъ геніямъ утѣшить насъ велѣлъ,
 Но только голосъ ихъ пророчески раздался,—
 На полусловъ оборвался,
 Въ родное небо улетѣлъ.

Н. Н. Льдовъ.

На смерть Пушкина.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
 Паль оклеветанный молвой,
 Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
 Поникнувъ гордой головой.
 Не вынесла душа поэта
 Позора мелочныхъ обидъ;
 Возсталъ онъ противъ мнѣннй свѣта
 Одинъ, какъ прежде — и убить!
 Убить!.. Къ чему теперь рыданья,
 Похваль и слезъ ненужный хоръ,
 И жалкій лепеть оправданья —
 Судьбы свершился приговоръ!
 Не вы ль сперва такъ долго гнали
 Его свободный, чудный даръ
 И, для потѣхи, возбуждали
 Чуть затаившійся пожаръ...
 Что-жь? Веселитесь!.. Онъ мученій
 Послѣднихъ перенестъ не могъ.
 Угасъ; какъ свѣточъ, дивный геній,
 Увяль торжественный вѣнокъ!..
 Его убійца хладнокровно
 Навель ударъ — спасенья нѣтъ:
 Пустое сердце бьется ровно,
 Въ рукѣ не дрогнетъ пистолеть.
 И что за диво?.. Издалека,
 Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
 На ловлю счастья и чиновъ
 Зброшенъ къ намъ по волѣ рока,
 Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
 Земли чужой языкъ и нравы:
 Не могъ щадить онъ нашей славы,

Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
 На что онъ руку подымаль.
 И онъ погибъ и взятъ могилой,
 Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
 Добыча ревности нѣмой,
 Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
 Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
 Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
 Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душный
 Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
 Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
 Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ
 Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
 И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
 Увитый лаврами, надѣли на него;

Но иглы тайныя сурово
 Язвили славное чело...

Отравлены его послѣднія мгновенья
 Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
 И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
 Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...

Замолкли звуки дивныхъ пѣсень,
 Не раздаваться имъ опять,
 Приютъ пѣвца угрюмъ и тѣсень,
 И на устахъ его печать!

А вы, надменные потомки
 Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
 Пятою рабскою поправшіе обломки
 Игрою счастья обиженныхъ рабовъ!
 Вы, жадною толпой стояще у трона,
 Свободы, генія и славы палачи!

Таитесь вы подъ сѣнію закона,
 Предъ вами судъ и правда — все молчи!

Но есть и Божій судъ, наперстники разврата,
 Есть грозный Судія, Онъ ждетъ,
 Онъ не доступенъ звону злата,
 И мысли, и дѣла Онъ знаетъ напередъ.
 Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
 Оно вамъ не поможетъ вновь,
 И вы не смоете всей вашей черной кровью
 Поэта праведную кровь!

М. Ю. Лермонтовъ.

Вѣнокъ на грѣбъ Пушкина.

I.

Давно-ль тебя, о Русь, изъ нѣдръ пустыни дикой
 Возвелъ для бытія и славы Петръ Великій,
 Какъ дѣву робкую, на тронъ?
 Давно ли озарилъ лучами просвѣщенья
 Съ улыбкою отца, любви и одобренья,
 Твой полуночный небосклонъ?
 Подъ знаменемъ наукъ, подъ знаменемъ свободы
 Онъ новые создалъ великіе народы,
 Ихъ въ ризы новыя облекъ.
 И ярко засіялъ надъ царскими орлами,
 Вѣнчанными всегда побѣдными громами,
 Младой поэзіи вѣнокъ...
 Услыша зовъ Петра, торжественный и громкій,
 Возникли: старина, грядущіе потомки,
 И Кантемиръ, и Θεофанъ;
 И, наконецъ, во дни величія и мира,
 Взгрѣмѣла и твоя торжественная лира,
 Нашъ холмогорскій великанъ!

И что за лира: жизнь! Ея златыя струны
 Воспоминали вдругъ и битвы, и перуны
 Стократъ великаго Царя,
 И кроткія твой дѣла, Елисавета!
 И пѣли все онѣ въ услышаніе свѣта,
 Подъ смѣлой дланью рыбаля.
 Открылась для ума невѣдомая сфера,

.

Любовь къ прекрасному зажглась,
 И счастья заря, роскошно и пріятно,
 До скалъ и до степей Сибири многоцвѣтной
 Отъ водъ Балтійскихъ разлилась!
 Посѣяли тогда изящныя искусства
 Въ груди богатырей возвышенныя чувства,
 Окрѣпъ полміра властелинъ,
 И обрекли его, въ воинственной державѣ,
 Безсмертію вѣковъ и незакатной славѣ —
 Петровъ; Державинъ, Карамзинъ!

II.

Потомъ, когда неодолимый
 Сынъ революцій, Бонапартъ,
 Вознесъ рукой непобѣдимой
 Трехцвѣтный Франціи штандартъ;
 Когда подъ сѣнь его эгиды
 Склонились робко пирамиды
 И Рима куполь золотой;
 Когда смущенная Европа
 Въ войнахъ кроваваго потопа
 Страдала подъ его пятой;

Когда отважный, внѣ законовъ,
Какъ повелительное зло,
Онъ діадемою Бурбоновъ
Украшилъ дерзкое чело;
Когда, летая надъ землею,
Его орлы, какъ будто мглою,
Мрачили день и небеса;
Когда воинственные хоры
И гимны звучные пѣвцовъ
Ему читали приговоры
И одобренія вѣковъ,
И въ этомъ гулѣ осужденій,
Хулы, вражды, благословеній
Гремѣлъ, гремѣлъ, какъ дикій стонъ,
Неукротимый и избранный,
Подъ небомъ Англїи туманной,
Твой дивный голосъ, о Байронъ!
Тогда, тогда въ садахъ лица,
Какъ юный русскій соловей,
Весенней жизнью пламенѣя,
Расцвѣлъ нашъ дивный Корифей;
И гармоническіе звуки
Его младенческія руки
Умѣли рано исторгать.
Шутя перомъ, играя съ лирой,
Онъ Оссіановой порфирой
Хотѣлъ, казалось, обладать;
Онъ росъ, какъ пальма молодая
На Юрданскихъ берегахъ,
Главу высокую скрывая
Въ ему знакомыхъ облакахъ;
И, другъ волшебныхъ сновидѣній,
Онъ понялъ тайну вдохновеній,

Возсталъ, какъ новая стихія,
 Могучь, и славенъ, и великъ; —
 И изумленная Россія
 Узнала гордый свой языкъ.

III.

И сталъ онъ пѣть, и все вокругъ него внимало;
 Изъ радужныхъ цвѣтовъ вручилъ онъ покрывало
 Своей поэзіи нагой.
 Невинна и смѣла, таинственная дѣва
 Отважному ему позволила безъ гнѣва
 Себя обвить его рукой;
 И странствовала съ нимъ, какъ вѣрная подруга,
 По лаковымъ паркѣ блистательнаго круга,
 Въ дворцахъ царя, князей, вельможъ;
 Входила въ кабинетъ ученыхъ и артистовъ,
 И въ залы, гдѣ шумятъ собранія софистовъ,
 Мѣняя истину на ложь;
 Смягчала иногда, какъ геній лучезарный,
 Гоненія судьбы, то славной, то коварной;
 Была въ тоскѣ и на пирахъ,
 И никогда нигдѣ его не покидала;
 Какъ милое дитя, задумчиво играла
 Или волной его кудрей,
 Иль блѣдное чело, объятое мечтами,
 Любила украшать небрежными перстами
 Вѣнкомъ изъ лавровъ и лилей.
 И были времена: унылый и печальный,
 Прощался иногда онъ съ музой гениальной,
 Искалъ покоя, тишины.
 Но и тогда, какъ духъ, прикинувъ къ изголовью,
 Она ему своей небесною любовью
 Дарила неземные сны.

Когда же, утомясь минутнымъ упоеньемъ,
 Всегдашнимъ торжествомъ, высокимъ наслажде-
 ньемъ,

Всегда юна, всегда свѣтла,
 Красавица земли, она смыкала очи —
 То было на цвѣтахъ, а ихъ во мракъ ночи
 Для ней рука его рвала.
 И въ эти времена невидимая Клио
 Слетала къ своему любимцу горделиво
 Съ правдивой повѣстью вѣковъ;
 И пѣлъ великій мужъ великія побѣды,
 И громко вызываль, о, праотцы и дѣды,
 Онъ ваши тѣни изъ гробовъ!

IV.

Гдѣ же ты, поэтъ народный,
 Величавый благородный,
 Какъ широкій океанъ,
 И могучій, и свободный,
 Какъ суровый ураганъ?
 Отчего же голосъ звучный,
 Голосъ съ славой неразлучный,
 Своенравный и живой,
 Ужь не царствуетъ надъ скучной,
 Охлаждѣлою душой;
 Не владѣетъ нашей думой,
 То отрадной, то угрюмой,
 По внушенью твоему?
 Не всегда ли безотчетно,
 Добровольно и охотно
 Покорялись мы ему!..

О, такъ, о, такъ, пѣвецъ Людмилы и Руслана,
 Единственный пѣвецъ волшебнаго Фонтана,
 Земфиры, Невскихъ береговъ.
 Пѣвецъ любви, тоски, страданій неизбѣжныхъ!
 Ты мчалъ насъ, уносилъ по лону водъ мятяжныхъ
 Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ;
 И долго, превратясь въ безмолвное вниманье,
 Прислушивались мы, когда ихъ рокотанье
 Умолкнетъ съ отзывомъ громовъ.
 Мы слушали, томясь пріятнымъ ожиданьемъ,
 И вдругъ поражены невольнымъ содроганьемъ,
 И душу намъ наполнилъ страхъ.
 Высоко надъ главою поэзіи печальной
 Вознесся не вѣнокъ, но факель погребальный,
 И Пушкинъ—трупъ, и Пушкинъ—прахъ!
 Онъ—прахъ! Довольно! Прахъ, и прахъ непробу-
 димый!
 Угасъ, и навсегда, миллионами любимый
 Державы сѣверной Баянъ!
 Онъ новыя пріялъ нетлѣныя одежды,
 И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
 Разсѣя вѣчности туманъ!..

V.

Гимнъ смерти.

Совершилось: дивный геній,—
 Совершилось: славный мужъ
 Незабвенныхъ пѣснопѣнъ
 Отлетѣлъ въ страну видѣнъ,
 Съ лона жизни въ царство душъ.
 Пиръ унылый и послѣдній
 Онъ окончилъ на землѣ;

Но, безчувственный и блѣдный,
 Носить онъ вѣнокъ побѣдный
 На возвышенномъ челѣ.
 О, взгляните, какъ свободно
 Это гордое чело!
 Какъ оно въ толпѣ народной
 Величаво, благородно
 Новой жизнью расцвѣло.
 Если гибельнымъ размахомъ
 Безпощадная коса
 Незнакомаго со страхомъ
 Уравнять умѣла съ прахомъ,—
 То узрѣлъ онъ небеса.
 Тамъ, подъ сѣнію Благого,
 Милосерднаго Творца,
 Безъ печальнаго покрова
 Встрѣтятъ жителя земного,
 Знаменитаго пѣвца.
 И святое Провидѣнье
 Слово мира изрѣчетъ;
 И небесное прощенье,
 Какъ земли благословенье,
 На главу его сойдетъ...

Тогда, какъ духъ безплотный величавый,
 Онъ будетъ жить безсумрачною славой,
 Увидитъ яркій, свѣтлый день;
 И пробѣжитъ неугасимымъ окомъ
 Милліонъ міровъ, въ покоѣ ихъ глубокомъ,
 Его торжественная тѣнь;
 И окружить ее, надъ облаками,
 Тѣней, давно прославленныхъ вѣками,
 Необозримый легіонъ—
 Петрарка, Тассъ, Шенье—добыча казни,

И руку ей, съ улыбкою пріязни,
 Подасть задумчивый Байронъ...
 И между тѣмъ, когда въ Россіи изумленной
 Оплакали тебя и старый, и молодой,
 И совершили долгъ послѣдній и священный,
 Предавъ тебя землѣ холодной и нѣмой;
 И, блѣдная, въ слезахъ, въ печали безотрадной,
 Поэзія груститъ надъ урною твоею,—
 Невѣдомый пѣвецъ, но смѣлый, славы жадный,
 О Пушкинъ, проклонилъ колѣно передъ ней.
 Душистые вѣнки великіе поэты
 Готовятъ для нея, второй Анакреонъ!
 Но вѣрю я: и мой, въ волнахъ суровой Леты,
 Съ рожденіемъ его, не будетъ поглощенъ,—
 На пеплѣ золотомъ угаснувшей кометы
 Не смѣлю рукою онъ съ чувствомъ положенъ...

А. И. Полежаевъ.

Къ 50-ти лѣтію кончины поэта.

— Не стало Пушкина!

Давно, какъ гуль набата,
 Вѣсть эта пронеслась, но словно въ первый день,
 Такой-же свѣжею намъ кажется утрата
 Незамѣнимая, и чтится такъ-же свято

Твоя страдальческая тѣнь...

Полвѣка минуло съ тѣхъ поръ, какъ ты кровавой
 Окончилъ смертію великую борьбу,
 И юноша поэтъ возсталъ для мести правой
 И сонмъ враговъ твоихъ—безстыдный и лукавый—
 Стихомъ онъ пригвоздилъ къ позорному столбу,

Напрасно въ слѣпотѣ упорной
 И лжеучители, и грубая толпа
 Надъ гениемъ твоимъ глумилися позорно,
 Пытаясь „памятникъ“ разбить „нерукотворный“,—
 Къ нему не заросла „народная тропа“.
 Безслѣдно смолкъ ихъ крикъ, назойливый и бурный;
 Какъ осенью желтѣеть листь,
 Такъ поблѣднѣлъ ихъ ореолъ мишурный,—
 А твой вѣнокъ пѣвца прекрасенъ и душистъ...
 Разсѣялся туманъ и вновь очамъ прозрѣвшимъ
 Явился образъ твой въ сияющихъ чертахъ,
 Зажигались свѣтильники во храмѣ опустѣвшемъ,
 И снова хоръ святой звучитъ въ его стихахъ.
 Твой всеобъемлющій и чисто русскій геній
 Своеобразенъ и великъ,
 Какъ Русь сама! Пророкъ трехъ нашихъ поколѣннй,
 Ты мысль народную и самый нашъ языкъ
 Освободилъ отъ вѣковаго гнета,
 Ты кликнулъ кличъ—и началась работа,
 И пѣсней, полною непобѣдимыхъ силъ,
 Ты Русь, какъ спящую царевну, разбудилъ!
 Та пѣснь, гармоніи исполненная дивной,
 Пусть намъ звучитъ, какъ вѣщая струна,
 Какъ благовѣсть, какъ „гласъ вождя призывный“
 Смѣла, правдива и сильна.

О. Н. Чюмина (Михайлова).

На открытіе памятника Пушкину.

Давно-ль, средь грома ликованій,
 Открылся намъ твой памятникъ, поэтъ!
 Казалось, въ восторгъ упованій,
 Что послѣ дней всеобщихъ ожиданій,
 Блеснетъ изъ мглы давно желанный свѣтъ.
 И онъ блеснулъ! Съ тѣхъ поръ иная эра
 Для русскаго искусства началась,
 Воскресли вновь: поэзія и вѣра,
 Борьба враждебныхъ партій улеглась...
 Твой духъ, поэтъ, какъ свѣтлый ангелъ міра,
 Явился намъ—какъ животворный лучъ;
 Родную Русь твоя воспѣла лира
 И звукъ ея безсмертенъ и могучъ.
 Въ немъ все слилось: и смѣлый крикъ титана,
 И новый міръ, и грезы старины,
 Русалки пѣснь и жалобы Татьяны,
 Могучій звукъ богатыря Руслана
 И юности заманчивые сны...
 Въ немъ—ширина степей необозримыхъ,
 Небесъ родныхъ сіяющій просторъ,
 Кипѣнье силъ души несокрушимыхъ,
 Добру и злу правдивый приговоръ!
 Сегодня—день печальной годовщины;
 И въ хижинѣ, и въ княжескомъ дворцѣ
 Да будетъ онъ—днемъ скорби и кручины
 Поминками по дорогѣмъ пѣвцѣ!
 Безжалостно, нахально оскорбленный,
 Преслѣдуемъ клеветниковъ толпой—
 Ты палъ, убитъ—злодѣйски умерщвленный
 Бреттера свѣтскаго рукой...

Тутъ пролилъ кровь священную поэта,
 Она горить—но не на немъ одномъ:
 На лицахъ всѣхъ лжецовъ большаго свѣта,
 Кѣмъ ссора ихъ—искусно разогрѣта—
 Зловѣщимъ вспыхнула огнемъ...
 Ты палъ, поэтъ! но творческое слово
 Твое живить всѣ лучшія сердца,
 Оно—символь всего намъ дорогаго,
 И Русь всегда откликнуться готова
 На звукъ рѣчей народнаго пѣвца!

О. Н. Чюмина (Михайлова).

Два посланія В. Л. Пушкина къ поэту-племяннику.

I.

Поэтъ-племянникъ, справедливо
 Я названъ классикомъ тобой!
 Все, что умно, краснорѣчиво,
 Все, что написано съ душой,
 Мнѣ нравится, меня плѣняетъ.
 Твои стихи, повѣрь, читаетъ
 Съ живымъ восторгомъ дядя твой.
 Латоны сына ты любимецъ,—
 Тебя онъ вкусомъ одарилъ;
 Очарователь и счастливецъ,
 Сердца ты наши полонилъ
 Своимъ талантомъ превосходнымъ,
 Всѣ мысли—выражать способнымъ.
 Русланъ, Кавказскій плѣнникъ твой,

Фонтанъ, Цыганки и Евгений
 Прекрасныхъ полны вдохновеній!
 Они всегда передо мной,
 И не для критики пустой
 Я ихъ твержу, для наслажденья.
 Тацита нашего творенья
 Читаетъ журналистъ иной,
 Чтобъ славу очернить хвлой.
 Зоиль достоинъ сожалѣнья;
 Онъ позабылъ, что не вредна
 Граниту бурная волна.

II.

Племянникъ и поэтъ! Позволь, чтобъ дядя твой
 На старости въ стихахъ поговорилъ съ тобой.
 Хоть модный романтизмъ подъ часъ я осуждаю,
 Но истинный талантъ люблю и уважаю.
 Посланіе твое къ вельможѣ есть примѣръ,
 Что не забыть тобой затѣйливый Вольтеръ.
 Ты остроуміе и вкусъ его имѣешь
 И нравиться во всемъ читателю умѣешь.
 Пусть бѣсится, ворчитъ Московскій Лабомель:
 Не оставляй свою прекрасную свирѣль!
 Пустыя критики достоинствъ не умаляютъ;
 Жуковскій, Дмитриевъ тебя и чтутъ и хвалятъ;
 Крыловъ и Вяземскій въ числѣ твоихъ друзей;
 Пиши и утѣшай ихъ музою своей,
 Наказывай глупцовъ, не говоря ни слова,
 Печатай имъ на зло скорѣе Годунова.
 Творенія твои — для нихъ тяжелый бичъ,
 Нибуромъ никогда не будетъ нашъ москвичъ,

И авторъ повѣсти топорныя работы
Не можетъ, кажется, проситься въ Вальтеръ-
Скотты.

Довольно и того, что журналистъ сухой
Въ журналѣ чититъ себя романчиковъ главой.

Но полно! Что тебѣ Парнасскіе пигмеи,
Нелѣпая ихъ брань придирки и затѣи!
Счастливицу некогда смѣяться даже имъ.
Благодаря судьбу, ты любишь и любимъ.
Вѣнчаный розами ты граціи рукою,
Вселенную забылъ, къ ней прилѣпясь душою.
Прелестный взоръ ея тебя животворитъ
И счастье прочное, и радости сулитъ.
Блаженствуй, но въ часы свободы, вдохновенья,
Бесѣдуй съ музами, пиши стихотворенья,
Словесность оусскую, языкъ обогащай,
И вѣчно съ миртами ты лавры съединяй.

Въ память цѣлѣочной бѣставки,
устроенной г. Золотаркиимъ въ
москѣвекѣмъ городекѣмъ манежѣ
съ 18 по 25 апрѣля 1899 г.